

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ

Роман

ЖЕНА КОРОЛЯ МАФИИ

Невинная пешка

ЮЛИЯ ГЕРМАН

18+

Юлия Герман

Жена короля мафии.

Невинная пешка

<https://litres.ru/74306007>

SelfPub; 2026

Аннотация

— У нас с тобой нет вариантов. Ты принимаешь мое предложение и становишься моей женой, и твоему отцу придется заключить перемирие.

— Разве недостаточно того, что ты меня похитил?

— Нет, принцесса. Твой отец ни за что не признается, что его незаконную дочь, которую он прятал, украли и надругались над ней.

— Надругались? — вздрагиваю.

— Ему проще будет забыть о тебе. Но если его главный противник женится на ней, тогда ему будет выгодно признать тебя и заключить мир.

— Все не так, — хочу возразить, пока надвигается, снимая часы с запястья. — Вы же не тронете меня?

— Я? Теперь ты моя невеста, хочешь ты того или нет. Пришла пора узнать друг друга ближе.

Меня похитили прямо во дворе университета, и запихнули в багажник. Все это из-за моего отца, который оказался главой

одной из четырех криминальных семей в стране. У меня есть выбор, стать женой его врага, или позволить, этому жуткому незнакомцу ломать меня до тех пор, пока от моей воли ничего не останется, и моим ответом не окажется да.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	71
Глава 13	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Юлия Герман

Жена короля мафии.

Невинная пешка

Глава 1

— Она? — доносится до меня низкий голос с хрипотцой.

— Да, босс, точно, — отвечает ему другой.

Все мои органы чувств обострены. Я прислушиваюсь к каждому звуку, запаху, шороху. Ко всему, что поможет мне. Потому что последние пару часов я находилась в аду.

— Показывай.

Дергаюсь, когда с меня срывают маску и яркий луч проникает даже сквозь плотно закрытые веки.

— Уверен, что не перепутал? — спрашивает все тот же голос.

И только теперь я решаюсь приоткрыть глаза, взглянув на того, из-за кого я и оказалась в багажнике этой машины, с кляпом во рту и повязкой на глазах.

Проведенные в темноте часы не дают мне сразу разглядеть разговаривающих. К тому же они нависают над багажником, будто две исполинские мрачные тени.

— Обижаешь, босс. Все по инструкции, сомнений быть не может.

Постепенно глаза привыкают к свету, и я могу отчетливо различить двух темноволосых мужчин. Правда, их лица, кажется, находятся от меня слишком далеко. Вижу только, что один из них зажимает между зубами сигарету и, достав ее изо рта, выпускает струю дыма в сторону.

— Доставай, — бросает он пренебрежительно и скрывается из поля зрения.

Не успеваю я даже понять, что именно означает его фраза, как второй склоняется над багажником, подхватывает меня и закидывает к себе на плечо, будто я мешок.

Связанная по рукам и ногам, я лишена возможности не только бежать куда-либо, но и сопротивляться.

— Неси ее внутрь, я подойду позже, — распоряжается все тот же хрипловатый голос.

— Понял, — отвечает ему тот, с чьего плеча я свисаю, и направляется в противоположную от машины сторону.

Я ничего не вижу, кроме широченной спины мужчины и бетонного пола. Слышу другие мужские голоса и смех. Здесь не только двое человек, которых я видела. Их больше.

В нос забивается запах табака, сырости и мужского пота. Здоровое плечо больно вдавливается в живот, и это хоть немного отвлекает от тревоги, что нарастает с каждым шагом, приближающим меня к моменту, когда я наконец-то узнаю, зачем меня похитили посреди белого дня и, запихнув

в багажник, увезли в неизвестном направлении.

Слышу скрип двери. Свет тускнеет, запахи меняются, становясь сначала более приятными и даже домашними. Вместе с ними я ощущаю окутывающее тепло. Но затем новый рывок, и еще одна дверь пропускает нас в совершенно другое пространство, и только что появившееся ощущение уюта исчезает. Мы куда-то спускаемся. И это мне уже не нравится. Потому что щупальца страха снова опутывают меня, проникая под кожу.

Чем ниже мы спускаемся, тем отчетливее я понимаю, что никакого чудесного спасения не будет. И сейчас начнется что-то гораздо страшнее прогулки в багажнике.

Жуткий металлический скрежет заставляет встать дыбом каждый волосок на теле.

И когда меня сбрасывают на какой-то диван, я вижу, что нахожусь в самом настоящем подвале. С разводкой труб под потолком, тусклым освещением и мерзким запахом пыли и затхлости.

— Жди! — рывкает громила и уходит, даже не развязав меня и не убрав кляп.

А мне уже безумно хочется наконец-то избавиться от неизвестности и по возможности принять свою участь с высоко поднятой головой.

Не знаю, сколько нахожусь в таком положении. В щеку давят торчащие из дивана пружины. Время в подвале течет по-другому, медленно и густо, как смола.

Наконец за дверью раздаются шаги. Не тяжелые и грубые, как у того, кто принес меня сюда, а четкие, уверенные. Дверь открывается беззвучно, и в проеме возникает высокая фигура.

Это он. Тот самый человек, который приказал принести меня сюда.

Я напрягаюсь, не зная, чего ожидать. Незнакомец входит резко и уверенным твердым шагом приближается. Дорогие ботинки мягко ступают по бетонному полу.

Он очень высок и хорошо сложен. Темная рубашка обтягивает широкие плечи и прокачанные грудные мышцы, а из-под закатанных рукавов виднеются мощные, покрытые татуировками предплечья. Из-за тусклого света я не могу разглядеть черт его лица. Вижу только зачесанные назад темные волосы и аккуратно подстриженную щетину. Совершенно точно мы не встречались до этого, поэтому мне особенно сложно представить, что ему нужно.

Незнакомец останавливается возле дивана, его взгляд скользит по моему перекошенному ужасом лицу, по врезавшимся в кожу веревкам. В его глазах нет ни капли жалости.

Мое сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

Молча он достает из заднего кармана что-то. И я зажмуриваюсь, как только он нажимает кнопку и я вижу блеск лезвия перочинного ножа. В ушах шумит кровь, и сердце колотится так быстро, что кажется, проломит грудную клетку. Я готовлюсь, что сейчас все закончится, а я так и не узнаю

причины, по которой я тут.

Но вместо этого чувствую, как его пальцы касаются моего лица. Я дергаюсь, но не могу увернуться. Он не грубо, а с какой-то щепетильной осторожностью разрезает узел на моем затылке и вытаскивает изо рта мокрый ком ткани.

Я судорожно глотаю воздух, закашливаюсь и морщусь от боли в челюсти. Кровь приливает к передавленным веревкой местам на коже, и на глазах выступают слезы.

— Пожалуйста... — получается выдавить из себя. Мой голос больше похож на скулеж. — Я... я ничего не сделала...

Он не отвечает. Его ладонь скользит мне за спину, к веревкам на моих запястьях. Один резкий взмах, и веревки на руках ослабевают, но суставы так затекли, что я даже не могу сразу вернуть руки в удобное положение. Еще одно движение ножом, и я чувствую, как он перерезает путы на ногах.

Так же ловко, как разложил нож, мужчина складывает лезвие и прячет его в задний карман.

Мы молча смотрим друг на друга.

Я все еще не могу пошевелиться, лишь смотрю на него широко раскрытыми глазами, потирая онемевшие запястья. Он ничего больше не предпринимает, лишь молча наблюдает за мной.

Тогда я осторожно приподнимаюсь и сажусь, не отрывая от него взгляда.

От тишины и его бездействия. становится только страш-

нее. Что это? Игра? Меня сейчас убьют?

Внимательный взор мужчины изучает меня, рассматривая с ног до головы. И у меня появляется возможность, взглянуть-ся в его лицо. Резкие черты лица. Темные, холодные глаза, темные брови вразлет, высокие скулы, прямой нос, спрятанный под щетиной волевой подбородок и чувственные, четко очерченные губы. Он очень красив. Той самой брутальной мужской красотой, что заставляет женщин сходить с ума.

— Меня зовут Герман, — произносит он тем самым хрипловатым голосом, который я слышала, еще лежа в багажнике. — А тебе очень не повезло родиться от Гоши Василевского.

Кровь в венах стынет от осознания, что все это происходит из-за моего отца. В животе оседает ледяной ком, когда мужчина напротив замолкает.

— И у меня для тебя есть предложение, — уголки его губ слегка приподнимаются, и на лице появляется ухмылка. — От которого у тебя нет возможности отказаться, Эмма.

— Я не понимаю... — пытаюсь связать дела своего отца и себя, но получается какая-то ерунда. — При чем здесь отец?

— У нас с ним разногласия, — усмехается мужчина. — И чтобы их разрешить, тебе придется стать моей женой.

— Что? — в шоке смотрю на него.

— А если ты откажешься, то мне придется сломить твое сопротивление и сделать это насильно. И я буду ломать тебя до тех пор, пока ты сама не захочешь его принять, — под-

нимается он на ноги. — Уверяю, лучше согласиться добровольно. Подумай до утра, — направляется к выходу, оставляя меня наедине с мыслями и его странной просьбой.

Глава 2

— Просыпайся! — врывается в мой сон незнакомый голос.

Вздрагиваю, инстинктивно зная, что должна прислушаться к этому голосу. Сразу же в сознание вторгаются звуки тяжелых шагов, и первое, что я ощущаю, — не страх, а жуткий холод.

Да. За ночь в сыром подвале, без какого-либо пледа, в одной лишь кожаной куртке, я жутко замерзла. Поэтому первым делом я обнимаю себя, стараясь стереть с кожи мурашки.

— Давай, шевелись! — снова раздается тот же самый голос.

И я открываю глаза и сажусь на диване, сразу же заметив приближающегося громила. Того самого, что притащил меня сюда накануне.

— Пойдем! — бросает он как-то лениво.

А у меня впервые за эти сутки есть возможность рассмотреть его.

Высокий. Даже выше своего босса Германа. И кажется, что в ширину он ничуть не меньше, чем в длину. Настоящий шкаф. Кажется, что еще немного — и кожаная куртка треснет на его мощных ручищах. Широкое лицо, короткий русский

ёжик и светлые глаза, цвет которых невозможно разглядеть из-за освещения.

— Куда? — спрашиваю хрипло.

С момента ухода моего ночного гостя, попросившего обдумать его предложение, мне не было предоставлено ничего, чтобы я хоть немного почувствовала себя человеком. Мало того что мне не дали воды, так и в уборную даже не дали сходить. И после подобного обращения Герман рассчитывает на мой положительный ответ?

— К боссу, — здоровяк надувает пузырь из жвачки, что выводит меня из себя.

— Может, для начала покажешь мне, где здесь туалет, м? А еще я бы хотела поесть. Сколько прошло часов с тех пор, как ты выкрал меня из универа?

— Не я тебя крал, — отвечает он как-то странно. — Но я бы на твоём месте пока права не качал. Особенно перед боссом.

— А что так? — усмехаюсь. — Заставите меня ходить под себя? Так без воды это не долго продлится.

— Ты мне больше нравилась с кляпом во рту, — он снова надувает шарик и лопаёт его.

И теперь я вспоминаю, что его действительно не было среди тех, кто схватил меня после занятий.

Те парни выглядели как типичные студенты-качки. Я поэтому и не обратила на них внимания. Потому что видела их частенько в нашем университете. Более того, они пользова-

лись популярностью у девушек. Кажется, треть моих одноклассниц прошла через этих смазливых уродов, готовых за кругленькую сумму выкрасть беззащитную девушку прямо с парковки университета.

Мне не нужно вспоминать никаких деталей того, как именно это происходило. Потому что я успела лишь взглянуть на смарт-часы, чтобы ответить на их вопрос о том, который час, как мне к лицу прижали марлевую повязку. И на этом все. Очнулась я уже в полной темноте, с перевязанными конечностями и слыша только гул мотора, музыку, доносящуюся откуда-то через тонкую перегородку и мужской смех.

— А я и не должна тебе нравиться, — начинаю еще больше трястись от холода. — Как думаешь, нужна твоему боссу невеста с температурой, насморком и недержанием?

— Похоже, ты знаешь толк в том, чтобы пробудить у мужика желание, — басит он. — Ладно, пойдем, только быстро, — распахивает дверь.

— Даже глаза не завяжешь?

— Приказа не было, — отвечает безмятежно, дожидаясь, когда я наконец-то дойду до двери.

— Хороший мальчик. Послушный, — бросаю, проходя мимо.

Но либо этот здоровяк не понимает сарказма, либо просто меня не слышит.

— Давай наверх, — командует он.

Поднимаю голову и вижу длинную лестницу.

— Ого! Я думала, это просто подвал, а это, оказывается, бункер! — представляю, насколько глубоко под землей провела эту ночь.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, здоровяк тормозит меня и распахивает дверь.

— Подожди, — оглядывается по сторонам и только после этого выпускает меня.

Я оказываюсь в узком коридорчике, который будто выложен мрамором от пола до потолка.

— Ща! — открывает он дверь напротив. — Вот! Туалет! — торжественно указывает на крошечную комнату с унитазом и раковиной.

— Спасибо, — прохожу внутрь и запираюсь.

Звук замка кажется до смешного хрупким, но для меня он та самая иллюзия, что позволяет мне хотя бы на пару мгновений почувствовать себя так, будто в моих руках контроль над ситуацией.

Закончив со своими делами, я прислоняюсь лбом к прохладному дереву двери, пытаюсь отдышаться, поймать ритм сердца, которое колотится, как птица в клетке, и отыскать выход.

Здесь нет окон, и это усложняет процесс моего побега.

Все тело дрожит от холода подвала. Но еще больше меня начинает колотить, стоит вспомнить главного идейного вдохновителя моего похищения — Германа. Он произвел на меня жуткое впечатление.

— Ты давай там недолго! — басит снаружи мордovorот.

— Стараюсь! — хочется добавить что-то более грубое, но боюсь, что тогда у меня будут действительно большие проблемы.

С трудом отталкиваюсь от двери и подхожу к раковине. Вода ледяная, но я смачиваю лицо, шею, запястья, пытаюсь смыть липкий страх и подвальный плесень.

Из мутного зеркала на меня смотрит незнакомка: бледное лицо, огромные испуганные глаза, под которыми пролегли темные круги, растрепанные волосы, грязная куртка. Я выгляжу как оборванка, хотя меня собираются сделать женой незнакомого человека.

Жена.

Слово отдается в висках. Это какое-то безумие.

Мой отец... Георгий Василевский. Человек, благодаря которому я появилась на свет, никогда не принимал участия в моем воспитании. Жалкие подачки в виде алиментов, пара встреч за все мои двадцать лет — это все, что я получила от родного папочки.

Не сказать, что я удивлена тому, что у него имеются подобные дружки. Мама всегда говорила, что он плохой человек и что его бизнес пахнет чем-то незаконным. Но чтобы вот так похищать из-за него людей и требовать выйти замуж? Звучит как шутка.

В первые мгновения, когда Герман сказал, что меня похитили из-за отца, у меня появилась вполне внятная версия

— долги. Я думала, задолжал папочка кому-то и таким образом с него будут трясти деньги. Но все оказалось гораздо серьезнее.

— Ты там не уснула? Давай, шевелись! Босс ждать не любит, — грубый стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь стряхнуть оцепенение. Бесполезно. Страх впился в меня слишком глубоко. Выскальзываю из туалета, встречаю нетерпеливый взгляд громилы.

— Ну что, принцесса, полегчало? — он усмехается.

Вместо ответа я просто киваю. Мое молчание, кажется, его устраивает.

Он ведет меня по коридору, который оказывается частью большого, просторного дома, напоминающего дворец.

Дорогой мраморный пол, белоснежные колонны, позолота в оформлении и хрустальные люстры. Мне кажется, что я попала в музей. Все выглядит слишком светлым, даже современная мебель таких цветов, будто никто и никогда на ней не сидел.

Контраст с подвалом ошеломляет. Чувствую, как откуда-то доносится аромат кофе и жареного бекона. Живот предательски урчит, напоминая, что я не ела почти сутки.

Но вот мы оказываемся в другой части дома, и здесь все выглядит иначе. Вместо белого — кругом черный мрамор и темное дерево. Мне становится не по себе от таких мрачных оттенков. Кажется, что здесь живет само зло.

Мы останавливаемся у массивной двери, и громила стучит.

— Войдите, — раздается тот самый хрипловатый голос.

Мой проводник распахивает дверное полотно и жестом показывает, чтобы я входила.

— Тебя ждут, — бросает он мне вполголоса и отходит.

Я переступаю порог кабинета. Помещение огромное. Панорамное окно во всю стену открывает вид на утренний город, залитый холодным солнцем. И на пару мгновений у меня перехватывает дыхание. Похоже, что дом стоит на холме, с которого видно весь мегаполис.

Центр комнаты занимает массивный дубовый стол, за ним, откинувшись на высокую спинку кожаного кресла, сидит Герман.

На нем снова темная рубашка с расстегнутым воротником, а в руках чашка. От нее тонкими перьями поднимается пар.

Хозяин дома не смотрит на меня, его взгляд прикован к планшету на столе.

— Садись, Эмма, — произносит он, не поднимая глаз.

Я медленно подхожу к креслу напротив и опускаюсь на самый край. Сидеть мягко, но каждая мышца в моем теле напряжена до предела, и у меня не получается оценить комфорт кресла по достоинству.

Он откладывает планшет и поднимает на меня взгляд.

При дневном свете его лицо кажется еще более резким. Темные глаза изучают меня с безразличной тщательностью. И я наконец-то вижу цвет его глаз. У него светло-карие глаза, ореховые, в обрамлении темной окантовки, что делает его взгляд каким-то хищным. И на пару мгновений я подвисяю на их оттенке, не думая о том, что он видит меня лохматой и немойтой.

— Ну что? — он отпивает кофе. — Ты обдумала мое предложение?

Как бы я ни готовилась морально, но его вопрос застаёт меня врасплох. Горло сжимает невидимыми тисками, и я не могу ничего сказать.

— И каков твой ответ? — он ставит кружку на стол. Звук отдается в тишине гулким стуком.

Я собираю всю свою смелость. Страх гложет изнутри, но вместе с ним поднимается и волна ясности. Я должна понять.

— Я не понимаю, — начинаю я, и мой голос звучит тихо, но четко. — Зачем тебе это? Зачем тебе жениться на мне? Ты сказал — чтобы разрешить разногласия с моим отцом. Но как мое замужество может их разрешить? Разве шантажа недостаточно?

Герман откидывается на спинку кресла. В его взгляде мелькает что-то вроде интереса, будто он наблюдает за щенком, который осмелился на него рыкнуть.

— Хочешь знать прямой ответ? Хорошо, — говорит Герман. Отодвинув чашку в сторону, он берет в руки четки и,

положив локти на ручки кресла, начинает перебирать крупные бусины. — Шантаж — это грубо и ненадежно. Твой отец может решить, что ты уже мертва или что ты — приемлемая потеря. Но брак... Брак в наших кругах — это юридический нерасторжимый союз. Это делает тебя моей собственностью в глазах нашего мира. Если я просто твой похититель, твой отец будет искать способ отбить тебя силой или же сделает вид, что никогда не было у него внебрачной дочери Эммы. Но если я твой муж, — он замолкает, внимательно всматриваясь в мои глаза, — то это будет означать объединение и примирение двух семей. Любая атака на меня со стороны твоего отца будет выглядеть как развязывание полноценной войны. Для него это будет потерей лица и сделает его слабым в глазах не только партнеров, но и его же союзников. Ты станешь гарантией того, что все договоренности будут выполняться.

Логика его слов пронзает меня. Это не импульс, не прихоть. Это холодный, выверенный стратегический ход.

— А если... — я сглатываю, зная, что сейчас спрошу самое страшное, но должна услышать ответ. — А если я откажусь? Прямо сейчас. Что ты будешь делать?

Взгляд Германа темнеет. Он медленно поднимается и обходит стол, чтобы встать передо мной. Его тень накрывает меня целиком. Он не касается меня, но его близость давит, физической тяжестью.

— Тебе рассказать детально? — в его голосе слышится

легкая насмешка. — Хорошо. Первое: ты возвращаешься в подвал. Второе: я не буду тебя бить. Избитая женщина — это жалко. Сломленная — страшно. Я буду приходить два раза в день. С водой и с одним и тем же вопросом. И ты будешь слушать.

Он наклоняется чуть ближе, и его дыхание касается моего лица.

— Я позвоню твоей матери. Прямо при тебе. И опишу ей в подробностях, как я буду ломать ее дочь, превращая в послушное животное. Твоя мама живет в городе, на Проспекте Мира, дом двадцать пять, квартира восемнадцать. У нее астма, не так ли? Представь, какой у нее начнется приступ, когда она будет слушать твои крики в трубку.

У меня перехватывает дыхание. В глазах темнеет. Он знает все. Точный адрес, и даже про болезнь мамы.

— Ты... ты не посмеешь, — вырывается у меня шепотом, больше мольба, чем утверждение.

— Попробуй отказаться — и узнаешь, — парирует он без единой ноты эмоций. — И это будет только начало. Потом я найду твою лучшую подругу, Катю. А после — твоего декана, который так верит в твое академическое будущее. Я буду ломать не тебя, Эмма. Я буду ломать всех, кто тебе дорог, прямо у тебя на глазах. Пока от твоего упрямства не останется ничего, кроме осознания, что одно слово “да” могло бы все это остановить.

Волоски на теле встают дыбом, и позвоночник прошибает

ледяной молнией.

— Ну так что, все еще хочешь отказаться? — он снова берет чашку кофе и делает финальный глоток.

И я понимаю, что от моего ответа зависит не только моя жизнь, но и многих других...

Так что же мне делать?

Глава 3

— Давай, Эмма, сделай правильный выбор, — подначивает меня Герман.

Я же смотрю на этого мужчину, которого ошибочно посчитала привлекательным. Потому что за красивым фасадом скрывается настоящее чудовище, которое, похоже, упивается своей властью и жестокостью.

Кожа до сих пор покрыта ледяными мурашками, а пульс зашкаливает за двести. Своими угрозами он показал, что я абсолютно беззащитная перед ним. Любое “нет” сейчас будет не актом смелости, а самоубийством. Но и сказать “да”... это значит подписать себе пожизненный приговор, связать себя с жестоким подонком, а все из-за отца, которому совершенно нет до меня дела.

Мне нужно отыскать выход из этой ситуации. Нужно время, и, быть может, тогда я смогу что-то придумать.

— Получается, что выбора у меня нет, — вырывается у меня хрипло. — Ты не предлагаешь, ты ставишь перед фактом. Ты хочешь, чтобы я добровольно согласилась на это безумие, но при этом угрожаешь всем, что мне дорого. Где тут добровольность?

Герман медленно опирается на край столешницы, так, что между нашими коленями почти не остается пространства. Я

инстинктивно пытаюсь сдвинуться вместе с креслом назад, но оно оказывается слишком тяжелым и не сдвигается ни на сантиметр.

— Я даю тебе выбор, — его голос обволакивает, как яд. — Быстрый и относительно безболезненный путь или долгий и унижительный. Всё просто.

— Ничего в этом нет простого! — голос срывается, и я ненавижу себя за продемонстрированную слабость. — Ты просишь меня стать твоей женой! Это не то же самое, что заключить бизнес-сделку

— Ошибаешься, Эмма, — усмехается он. — В нашем мире брак равно сделка. И самое главное — не прогадать с выгодой.

— Ну, — вырывается смешок, — со мной ты явно прогадал. Отцу плевать на меня.

— Вот и проверим, — он продолжает сканировать меня острым, пронизательным взглядом, выдержать который у меня не получается.

— Бред какой-то! — тру пальцами лоб. — Так не бывает. Почему я? — спрашиваю больше сама себя. — Мне нужно... мне нужен хотя бы день. Один полный день. Потому что после похищения, да еще находясь в темном, сыром подвале, как вообще можно что-то решить? А ведь ты меня даже не покормил! И я должна сказать “да” человеку, который так жестоко обошелся со мной? Мне нужно отдохнуть, поесть, принять душ...

Герман замирает, его хищные глаза сужаются. Он изучает меня, и я чувствую, как под этим взглядом тает вся моя уверенность. Потому что его не устраивает мой ответ. А я молю его мысленно не отправлять меня обратно в подвал.

Внутри все замирает. Он молчит так долго, что я уже готовлюсь услышать приказ громиле оттащить меня обратно.

— Мне кажется, ты чего-то не поняла, — Герман понижает голос и откладывает четки на стол. — Ты не в той ситуации, чтобы выставлять условия. Каждая минута, которую я тебе даю, — это моя милость. А я, Эмма, не гребаный добрый волшебник.

Он выпрямляется и делает шаг в сторону, глядя в панорамное окно.

— Но... в твоем лепете есть здравая мысль. Вид у тебя действительно отталкивающий.

Он поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает отвлечение, что почему-то неприятно задевает меня.

— Хорошая попытка, — произносит он холодно. — Но нет.

Одного этого слова достаточно, чтобы ледяная волна страха накрыла меня с головой.

— Ты думаешь, я не вижу, как ты цепляешься за призрачную надежду выиграть время? — он отходит от стола, его движения спокойны и полны уверенности. — Время тебе не поможет. Никто не придет на помощь. Никто не сможет тебя отыскать. Ты здесь полностью в моей власти.

Он останавливается передо мной, и его тень снова накрывает меня.

— Ты просишь день на раздумья? Пожалуйста. У тебя есть время до завтрашнего утра. — Герман делает паузу, давая этим словам проникнуть в мое сознание, вселяя ложное облегчение, которое он сейчас же разобьет в прах. — Но пока ты никто в моем доме. А гостевые комнаты положены тем, кто является моим другом или хотя бы занимает мою сторону.

Мое сердце падает в пропасть, оседая ледяным комом в животе.

— У тебя будет вода и еда. Этого достаточно, чтобы ты сохранила способность здраво мыслить. Про удобства не может быть и речи. И выкинь к чертям иллюзии, будто ты сможешь мной манипулировать, — он наклоняется, опираясь ладонями на подлокотники моего кресла, и его лицо оказывается в сантиметрах от моего. — Ты либо принимаешь мое предложение добровольно, либо я начинаю ломать тебя, как и обещал. Твои мнимые “раздумья” ничего не изменят. Они лишь отсрочат неизбежное.

Он выпрямляется и, не глядя на меня, нажимает кнопку на столе.

Дверь открывается, и в кабинет входит громила.

— Верни ее на место, — бросает Герман, уже поворачиваясь к окну, как будто я перестала для него существовать. — И принеси ей поесть.

Когда грубые руки здоровяка хватают меня под локоть и поднимают с кресла, во мне не остается ничего. Ни надежды, ни сил на сопротивление. Неужели все бесполезно?

— Могу я позвонить отцу? — кричу я, оборачиваясь, до того, как меня вытащат из кабинета.

— Исключено! — бросает Герман, даже не оглянувшись.

Меня снова ведут по тому же коридору, вниз по лестнице, обратно в сырой, пропахший плесенью холод. Скрип железной двери звучит как приговор.

Дверь захлопывается, и я снова одна. В темноте. С одной лишь мыслью о том, что завтра мне придется сделать выбор, которого на самом деле не существует.

Глава 4

— Доброе утро!

Подскакиваю на диване, услышав лязг железной двери и следующий за этим мерзким звуком голос.

Сижу, уставившись на своего утреннего гостя, но не могу выдать ни слова. Вторая ночь, проведенная в сырости и холоде, не прошла бесследно. Меня колотит, и в горле внезапно все сжимается так, что даже звук вряд ли сможет протиснуться через него.

— Как спалось? — бодрой походкой Герман приближается ко мне, и на его чувственных губах играет легкая улыбка.

Он смотрит на меня так, будто действительно ждет ответа на вопрос. Меня же трясет от его цинизма.

Кажется, будто он надеется, что я сейчас поделюсь с ним впечатлениями от пребывания в подвале, словно это выходной день в лучшем отеле города, но я тут не для того, чтобы расслабляться. Он намеренно запихнул меня сюда, для запугивания.

Сам же Герман, в отличие от меня, выглядит свежим, чистым, в идеально отглаженных темных брюках и белой рубашке, подчеркивающей рельеф мышц. Один взгляд на него вызывает приступ горькой зависти. От него пахнет мятной прохладой зубной пасты, дорогим кофе и стойким пряным

парфюмом. Этот аромат нормальной жизни здесь, в аду, кажется самой изощренной пыткой.

— Молчишь? Неужели у нас первая ссора? — усмехается он и садится на стул, который притащил мне накануне амбал вместо обеденного стола.

В его руке планшет. Он нажимает на экран, и тот вспыхивает ослепительным прямоугольником в полумраке.

— Я пришел за ответом, Эмма. Но сначала хочу кое-что тебе показать. Чтобы ты не сомневалась в серьезности моих намерений и в масштабах моего контроля.

По моей спине бегут мурашки. Что он мне покажет? Запись пыток?

— Ты зря пугаешься, — словно читая мои мысли, говорит он. — Пока что, — делает паузу, — это всего лишь видео. Можешь считать его приветом из прежней жизни.

На экране замирает изображение с камеры наблюдения. Качество отличное. Я мгновенно узнаю наш районный супермаркет “Гурман”. И сердце останавливается, потому что я вижу маму. Она стоит у фруктового прилавка, перебирает апельсины и о чем-то увлеченно разговаривает, улыбаясь.

Моя любимая мамулечка.

На ней ее старое синее пальто, которое она носит еще с тех самых времен, когда у нее были богатые поклонники. Она выглядит такой обычной, незащищенной, что мне хочется расплакаться. Ведь она даже не знает, где я.

— Смотри, не отвлекайся, — мягко говорит Герман, мен-

торским тоном.

Камера меняет ракурс. Теперь мама у кассы. Она выкладывает на ленту свои скромные покупки. И тут к ней подходит мужчина. Высокий, спортивный, в темной куртке. Он что-то говорит, мама улыбается, смущенно опускает глаза. Он помогает ей сложить пакеты в тележку. Они несколько минут о чем-то говорят. Незнакомец кажется обаятельным и учтивым, это видно даже без звука. Потом он достает из кармана визитку и протягивает ей. Мама, немного поколебавшись, берет ее и кладет в сумку.

— Кто это? — выдыхаю я, уже зная, что ответ мне не понравится.

— Это Андрей, — голос Германа спокоен и деловит. — Один из моих лучших людей. Очень обаятельный парень, не находишь? Женщинам ему противостоять сложно.

Экран гаснет. В темноте подвала лицо Германа, освещенное лишь тусклой лампой, кажется каким-то зловещим.

— Он продолжает с ней общаться. Уже завтра Андрей поможет твоей матери донести сумки до дома. Зайдет на чашку кофе. Узнает распорядок ее дня. Выслушает ее проблемы, станет той самой жилеткой, в которую она будет плакаться, узнав об исчезновении дочки. А еще он прощупает слабые места в квартире. На всякий случай. А до этого он станет ее добрым другом. А может, и кем-то большим.

Я сглатываю ком в горле. Во рту становится сухо и горько.

— Ты... ты тронешь мою маму? Ты же сказал, что это ни-

же тебя — бить женщин.

— Я и не буду, — он откладывает планшет и смотрит на меня прямо. — Но у меня много людей, которым незнакомы мои принципы. Андрей, к примеру, считает, что для достижения цели хороши все средства. И он крайне изобретателен.

Все волосы на теле встают дыбом от того, каким равнодушным тоном он рассказывает обо всем мне.

Герман поднимается со стула и подходит ко мне вплотную. Я чувствую исходящее от него тепло.

— Теперь ты понимаешь? Это не абстрактная угроза. Я не бросаю слов на ветер. Ты можешь это остановить. Сейчас. Одним словом.

Я смотрю на него, и впервые ненависть в моей груди перевешивает страх. Он не просто монстр. Он расчетливый манипулятор, который бьет точно в самое больное место.

— Ты... — я задыхаюсь от ярости и бессилия. — Ты используешь мою мать как разменную монету.

— Нет, — он качает головой, я не могу прочесть эмоцию в его глазах. — Я предлагаю тебе стать щитом для твоей матери. Ее безопасность станет прямым следствием твоего разумного выбора. Ее благополучие будет гарантировано нашим браком. Твой отец, признав тебя, будет вынужден защищать и ее. Я не отнимаю у тебя семью, Эмма. Я предлагаю тебе ее сохранить. Правда, несколько нетривиальным способом.

Его логика извращена, но ужасно убедительна. Он предлагает не просто сделку. Он предлагает мне роль спасительницы, платой за которую станет моя свобода.

— И если я соглашусь... вы оставите ее в покое? — переспрашиваю я, ища в его глазах хоть крупицу правды.

— Андрей исчезнет из ее жизни навсегда. Я лично позабочусь о том, чтобы у нее был лучший врач в городе. Ей больше не придется экономить на хороших лекарствах. Ты получишь возможность звонить ей каждый день, уверять ее, что у тебя все прекрасно, что ты вышла замуж за успешного человека. Она будет счастлива за тебя.

Он говорит так убедительно, что на секунду я почти готова в это поверить. Почти.

— А если я откажусь?

Взгляд Германа темнеет. Вся притворная мягкость исчезает без следа.

— Тогда Андрей получит другие инструкции. И твои звонки матери будут состоять не из слов утешения, а из твоей мольбы о пощаде, пока он будет делать свою работу на твоих глазах. Выбор, как всегда, за тобой, Эмма. Мир и безопасность для твоей матери или ад для вас обеих.

Он отступает на шаг, давая мне пространство, но его присутствие по-прежнему давит на меня всей своей тяжестью.

— Я не прошу твоей любви и не требую твоих чувств. Мне нужно твое разумное решение. Скажи “да” — и через час ты будешь в теплой ванной, тебя накормят, оденут в чистую

одежду и процесс примирения с твоим отцом начнется. Скажи “нет”... — он бросает взгляд на железную дверь. — И ты останешься здесь, в ожидании следующего визита Андрея к твоей матери. У тебя есть пять минут, чтобы решить судьбу двух человек.

Он поворачивается, отходит от дивана и берет в руки планшет, делая вид, что просматривает что-то. Но я чувствую его взгляд на себе. Он ждет. Игра началась, и ставки в ней — это жизни тех, кого я люблю.

Я закрываю глаза. Пять минут. Всего пять минут, чтобы принять решение, которое сломает мою жизнь, но, возможно, спасет жизнь моей мамы.

— У нас с тобой нет вариантов, — Герман откладывает гаджет и надвигается на меня. — Ты принимаешь мое предложение и становишься моей женой, и твоему отцу не останется ничего иного, кроме как заключить перемирие.

— Разве недостаточно того, что ты меня похитил? — с ненавистью смотрю на мужчину, который держит меня в подвале и угрожает моей матери.

— Нет, принцесса. Твой отец ни за что не признается, что его незаконную дочь, которую он так упорно прятал, украли и надругались над ней.

— Надругались? — я вздрагиваю в ужасе, но он игнорирует мою реакцию.

— Ему проще будет забыть о тебе. Но если его главный противник женится на ней, тогда ему будет выгодно признать

тебя и заключить мир.

— Все не так... — я пытаюсь отодвинуться, пока он не двигается на меня, снимая с запястья дорогие часы и небрежно бросая их на сиденье стула. — Вы же не тронете меня? Вы же не...

Мой вопрос повисает в воздухе, наивный и детский. В его глазах я читаю ответ, от которого кровь стынет в жилах.

— Я? Теперь ты моя невеста, хочешь ты того или нет, — он расстегивает пуговицу на рубашке. — Пришла пора узнать друг друга ближе.

Он делает последний шаг, и его тень окончательно поглощает меня. Словно сама тьма сошла со стен, чтобы забрать последние остатки надежды.

Глава 5

Холодный ужас, липкий и осязаемый, сжимает грудь, не давая вдохнуть. Герман стоит в паре шагов от меня, не касаясь, но я ощущаю его близость, она давит на меня.

— Зачем ты раздеваешься? — вспыхиваю, отползая в дальний угол дивана. — Боишься испачкать рубашку, потому что все же применишь физическую силу?

Он медленно, будто впереди бесконечный запас времени, расстегивает пуговицу за пуговицей, обнажая татуированный торс.

У меня перехватывает дыхание и пересыхает во рту при виде мускулистого торса, сплошняком покрытого цветными рисунками. Я как замороженная наблюдаю за тем, как он переключается на манжеты.

Адреналин разливается по венам, и меня бросает в жар, и лоб покрывается испариной.

— Я всего лишь сделаю так, Эмма, чтобы у тебя не осталось ни малейшего шанса избавиться от меня. И применять физическую силу можно по-разному, — говорит низко, хрипло. — Сейчас мы будем знакомиться с тобой как мужчина и женщина, которые собираются вступить в брак.

— Пяти минут не прошло!

— Поэтому я не собираюсь терять их зря. Не давая тебе

возможности сморозить глупость.

— Ты не дотронешься до меня! — перехожу на “ты”, наплевав на всякое воспитание. Да и о чем можно говорить, если этот мужчина собирается взять меня силой? — Лучше побей, чем...

— Это совершенно не мои методы. Я предлагаю тебе урок. Урок о том, что твое тело отныне принадлежит мне. Начиная с этой секунды.

Он делает шаг вперед. Сердце в грудной клетке разгоняется до немыслимых скоростей. Стоит взглянуть в его глаза, и меня охватывает паника, потому что кажется, что зрачок полностью поглотил ореховую радужку.

Я инстинктивно вжимаюсь в спинку дивана, впиваясь в нее пальцами. Аромат его парфюма, дорогой и холодный, смешивается с запахом сырости, и от этой гремучей смеси кружится голова. Его рука тянется к моему лицу, и я зажмуриваюсь, готовясь к прикосновению, которое обещает стать пыткой.

Внезапно снаружи, за железной дверью, раздаются приглушенные, но настойчивые голоса. Я отчетливо слышу низкий бас моего охранника-громилы. Он будто пытается что-то доказать собеседнику. Другой же, нервный, резкий, спорит с ним.

Герман замирает. Его рука останавливается в сантиметре от моей щеки. Я вижу, как сжимаются его челюсти, а в глазах, еще секунду назад темных и даже демонических, нарас-

тает раздражение.

Он резко разворачивается, отступая от дивана. Облегчение, острое и головокружительное, бьет в виски, но оказывается коротким. Теперь он стоит ко мне спиной, его плечи напряжены. Он похож на хищника, которого отрывают от долгожданной добычи.

Голоса за дверью стихают, сменяясь удаляющимися тяжелыми шагами. Но через мгновение раздается новый звук. Оглушительно громкий, пронзительный звонок мобильного телефона.

Герман играет желваками, а затем шумно выдыхает. Он на секунду замирает, бросая на меня взгляд, полный такого немого обещания вернуться к тому, на чем мы остановились, что по спине снова бегут мурашки.

Затем он достает из кармана брюк телефон, взглянув на экран, и его лицо меняется. Раздражение сменяется озабоченностью.

— Говори, — отрывисто бросает он в трубку, поворачиваясь к двери.

Я сижу не дыша, прижимая ладони к дрожащим коленям. Неужели я получу отсрочку и встреча с адом отменяется на сегодня?

Или это временная передышка на минуту, на пять?

Но он отступает. В подвале, кроме нас, никого нет, но его присутствие вдруг становится не настолько давящим. Кто-то или что-то оказывается сильнее его желания в эту секунду.

Герман слушает собеседника, изредка вставляя короткие, ничего не значащие фразы:

— Твою мать! Когда? Держи его там.

Потом он бросает последний взгляд в мою сторону. В его взоре читается необъяснимая злость. Будто я виновата в том, что все пошло не так, как он запланировал.

— Придется отложить наш... урок, принцесса, — произносит он, и в его голосе снова появляются знакомые холодные нотки. — Появились вопросы, требующие моего немедленного вмешательства. Но не волнуйся. Наше “знакомство” обязательно состоится.

Он отворачивается и выходит не оглядываясь. Железная дверь захлопывается с оглушительным лязгом, снаружи задвигается засов.

Я остаюсь одна. В тишине. В полумраке. Но теперь сквозь тот страх и отчаяние, которыми было пропитано мое пребывание здесь, пробивается дрожащая искра надежды.

Если что-то способно изменить планы моего тюремщика, значит, и у меня есть возможность повернуть ситуацию в нужную мне сторону. Осталось только понять, что я могу предпринять...

Глава 6

Тишина, наступившая после его ухода, кажется оглушающей. В ушах звенит, а в груди застревает комок ледяного ужаса, не дающий дышать. Я сижу вжавшись в угол дивана и не могу пошевелиться, мысленно повторяя его последнее обещание о продолжении знакомства.

Он подарил мне отсрочку. Пусть это всего лишь оттягивает неминуемое, но даже это кажется даром свыше.

Адреналин медленно отступает, сменяясь мелкой неконтролируемой дрожью, пробирающей до костей. Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но холод идет изнутри.

Взгляд Германа, ожидание его прикосновения, которое едва не случилось, его намерения — все это произвело на меня неизгладимое впечатление.

Но больше всего меня пугает то, насколько он лицемерная сволочь! Предлагает роль жены, но при этом шантажирует родными.

Мысли путаются. Я никак не могу понять, как я могу согласиться на его безумное предложение. Это значит подписать себе пожизненный приговор жить с посторонним жестоким человеком, которого я буду ненавидеть каждой клеточкой своего тела?

Но если я откажусь, то приговорю маму... Надо бежать,

бежать и уговорить ее уехать куда-то. Плевать куда, лишь бы подальше от этого ублюдка.

А для этого нужно думать. Искать слабое место Германа...

Я заставляю себя подняться с дивана и начинаю метаться по крошечному пространству подвала, как загнанный зверь. Голые бетонные стены, потрескавшиеся трубы под потолком, единственная тусклая лампочка в решетке.

Побег? Пока это звучит как фантастика.

Я не смогу вынести дверь и тем более — проскользнуть мимо охраны. Я прикладываю ухо к холодной поверхности. Ни звука.

Шаги за дверью заставляют меня вздрогнуть. Пульс разгоняется до предела, и я жду встречи с Германом. Дверь открывается, и в проеме возникает массивная фигура моего охранника.

Я выдыхаю с облегчением. Потому что, как бы я ни готовилась к очередному столкновению с конкурентом отца, я боюсь его до дрожи.

Громила держит в руках бутылку воды и что-то завернутое в бумагу.

— На, — бросает он, протягивая мне это. — Босс приказал накормить.

Я не двигаюсь с места, смотря на его подношение.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, и мой голос звучит

неожиданно твердо.

Здоровяк смотрит на меня, будто я заговорила на марсианском.

— Чего?

— Имя у тебя есть? Мы уже столько времени общаемся, а я понятия не имею, как к тебе обращаться.

Он морщится, явно не в восторге от вопроса.

— Артем. А тебе зачем?

— Приятно познакомиться, Артем, — я делаю шаг вперед. — И передай своему боссу, — я делаю ударение на слове, — что его невеста хочет с ним поговорить. Цивилизованно. Не в подвале, а в его кабинете. И после того, как она примет душ и сытно поест.

Артем фыркает, но в его глазах мелькает что-то вроде удивления.

— Смелая внезапно стала, — говорит он.

— Просто у меня тоже есть предложение, от которого он, возможно, не захочет отказаться, — лгу я, стараясь выглядеть как можно более уверенной в том, что говорю.

— Он еще не вернулся, — зевает.

— Мне нужно в туалет, — радуюсь тому, что его босса нет в доме, и хочу использовать эту возможность. — Сейчас.

Он смотрит на меня с нескрываемым раздражением.

— Поешь, потом отведу.

— Нет. Или ты хочешь, чтобы твой босс застал свою невесту в луже? Думаешь, он будет рад?

Эта фраза оказывается очень действенной. Артем не хочет проблем и гнева Германа. Он бурчит что-то невнятное, разворачивается и жестом показывает:

— Ладно, идем.

В узком коридоре Артем идет впереди. Его широкая спина полностью закрывает обзор на все, что происходит перед ним. Я делаю вид, что спотыкаюсь о неровность пола, и падаю на охранника вплотную, хватаясь за его куртку.

— Осторожно, дура! — он резко отшатывается, отталкивая меня.

— Прости, — бормочу я, отскакивая.

Но моя ладонь уже в кармане его куртки. Легкий, пластмассовый прямоугольник, который я заметила в его руке, когда он водил меня в кабинет к Герману.

— Давай быстрее, — он открывает дверь в туалет. — Две минуты.

Я захожу внутрь, щелкаю замком и прислоняюсь к двери, пытаюсь унять дрожь. В кармане лежит зажигалка. Мое единственное оружие.

План прост до безумия. Поджечь что-нибудь, создав хаос и панику. В суматохе можно попробовать убежать.

Осматриваюсь. Туалетная бумага, пластиковая корзина

для мусора, полная бумажек. Идеально.

— Давай выходи! — голос за дверью становится жестче.

— Сейчас!

Достаю зажигалку. Рука трясется. Первая попытка — только искра. Вторая — крошечное пламя вырывается на свободу.

— Эй, ты чего там? — громила начинает подозревать неладное.

Я приседаю, подношу огонь к смятым бумажкам в корзине. Они тут же вспыхивают. Желто-красные языки лижут пластик. Дым — густой, едкий, удушливый — заполняет крошечное пространство.

Щелкаю замком и резко выхожу в коридор, захлопывая дверь.

— А душ? — хочу потянуть время, чтобы он не отвел меня обратно в подвал.

— Не наглей.

— Я потная и вонючая. Думаешь, ему приятно со мной общаться в таком виде?

Артем замирает, окидывая меня взглядом, но затем решает не обращать внимания на мои манипуляции.

Только мы начинаем двигаться в сторону моей лестницы, как Артем замирает.

— Что горит? — тянет носом воздух. — Точно горит что-то.

Охранник возвращается к туалету и заглядывает внутрь.

Пламя вырывается в коридор, мгновенной заполняя все серым дымом. Громила видит эту картину, и его лицо искажается паникой. Сирена пожарной сигнализации взрывает тишину.

— Ты что натворила! — орёт он, но уже не на меня, а на ситуацию.

По коридору бегут люди. Поднимается суматоха. Я отступаю в тень, откидывая зажигалку в сторону, радуясь хаосу.

И тут за спинами бегущих людей я вижу Германа. Он идёт твёрдым шагом, с лицом, окаменевшим от гнева. Его взгляд сразу же находит меня и пригвозждает к месту. Во рту пересыхает от страха, потому что я понимаю: теперь мне точно не убежать.

Герман подходит ко мне, встаёт так близко, что я чувствую исходящее от него тепло.

— Хороший ход, — произносит он тихо, и от его интонации по коже бегут мурашки. — Но теперь ты играешь по моим правилам. И первое правило: за каждый промах придется отвечать.

И от холода в его голосе становится в тысячу раз страшнее.

Глава 7

— Не трогай меня! Не смей! — пытаюсь вырваться, когда длинные цепкие пальцы обхватывают мое предплечье и Герман тащит меня куда-то прочь от задымленного пространства. — Ты подонок! — кричу, осознавая, что потеряла свой последний шанс на побег. — Отпусти меня! — стараюсь извернуться так, чтобы ударить его, упираюсь ногами, но он, словно бульдозер, тащит меня, несмотря на все сопротивление.

Я спотыкаюсь, но он не дает мне упасть. Приподнимает, будто тряпичную куклу, и снова ставит на ноги.

Сердце бахает в груди. Адреналин растекается по венам, а лицо горит.

— Отпусти! — хватаюсь за косяк, зная, что ничего хорошего меня не ждет наедине с этим чудовищем. Но я буду сопротивляться и биться до последнего.

Он не отвечает. Его молчание пугает меня сильнее крика. Он просто разжимает мои пальцы от косяка, и мы оказываемся не в подвале, а в небольшой, аскетично обставленной комнате без окон. Дверь захлопывается с тихим щелчком. Звук автоматического замка отзывается в тишине гулким эхом.

Герман отпускает мое предплечье, и я отскакиваю к сте-

не, прижимаюсь к ней спиной, пытаюсь отдышаться. Он не спеша приближается ко мне.

— На меня смотри! — требует с интонацией, от которой мурашки по коже. — Эмма! — обхватывает мое лицо пальцами, поднимая его на себя и устанавливая зрительный контакт. — Если я сказал смотреть на меня, то значит, ты делаешь, как сказано, ясно? — он не повышает голоса, но от металлических ноток в нем и от всполохов в его глазах у меня пересыхает во рту.

Он стоит так близко, что между нами нет свободного пространства, и я чувствую, как каждый его мускул напряжен до предела.

— Я думал, ты умнее, — произносит с каким-то пренебрежением. — Глупый поступок, Эмма. Очень глупый.

— Я... я просто хотела... — начинаю я, но слова застревают в горле.

— Ты хотела убежать. Но ты не подумала о последствиях, — смотрит на меня так, будто я грязь под его ногами. — Ты сожгла мой туалет, подняла на ноги весь дом, заставила меня отвлечься от действительно важных дел. И за это надо заплатить.

— Чем? — выдыхаю я, чувствуя, как на лбу выступает ледяная испарина. — Вы уже забрали у меня все.

— О нет, принцесса. Все только начинается, — взгляд Германа скользит по моему лицу, задерживается на дрожащих губах, на глазах, наполненных слезами, которые я отча-

янно сдерживаю. — Ты хотела поговорить цивилизованно? Говори. Сейчас твой шанс. Сгораю от нетерпения услышать твое “великое” предложение, от которого я не смогу отказаться.

Я замираю. Это был блеф, отчаянная попытка выиграть время. Какой может быть разговор, когда все козыри в его руках? Но отступить некуда.

— Отпусти мою маму, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Полностью. Отзови своего человека. Дай мне гарантии, что она в безопасности. И тогда... тогда я сделаю все, что ты захочешь. Я стану твоей идеальной женой. Я не буду сопротивляться. Я буду такой, какой тебе нужно.

Он смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом. В его карих глазах мелькает что-то похожее на любопытство.

— Интересно, — произносит он наконец. — Ты предлагаешь сделку?

— У меня нет выбора! — срываюсь я. — Ты сам загнал меня в угол! Ты говоришь, что брак — это сделка. Вот я и предлагаю свои условия. Ее безопасность в обмен на мое полное и безоговорочное сотрудничество.

— Есть одна проблема, Эмма, — он блуждает взором по моему лицу. — Я не верю тебе. Твое “полное сотрудничество” продлится ровно до тех пор, пока ты не окажешься у ворот этого дома. Ты сожжешь его дотла, лишь бы вырваться на свободу. Твое слово ничего не стоит.

Мне становится горько от его недоверия, хотя я и пони-

маю, что у Германа нет причин мне верить.

— А что тогда стоит? — шепчу я.

— Действия. Доказательства, — он снова поворачивается ко мне. — Твое предложение я принимаю, но с коррекцией. Твоя мать будет в безопасности, но Андрей останется рядом. Как страховка. Он станет ее ангелом-хранителем. Пока ты ведешь себя хорошо, он будет просто тенью на горизонте. Стоит тебе сделать еще одну глупость вроде сегодняшней... — Герман пожимает плечами, и это многозначительное движение страшнее любых подробностей.

Ледяная пустота заполняет легкие. Этот человек мыслит на несколько шагов вперед, блокируя все возможные лазейки.

— А теперь о плате за сегодняшний фокус с огнем, — его голос становится тише и опаснее.

Внезапно он разжимает пальцы, но не убирает их от моего лица. Подушечками мягко касается моей щеки. Я вздрагиваю, как от удара током, и открываю глаза. Он смотрит на меня с тем же странным, нечитаемым выражением.

— Нервная, — говорит он, словно угадывая мои мысли. Его пальцы скользят по линии моей челюсти к подбородку, заставляя меня поднять голову. — Но урок должен быть усвоен. С сегодняшнего дня ты переезжаешь в комнату наверху. В ту самую гостевую, о которой ты так мечтала. С кроватью, постелью и душем.

Я смотрю на него в полном недоумении. Это награда? За

поджог?

— Но это не признак моей слабости, Эмма, — его губы изгибаются в холодной улыбке. — Это твоя новая клетка. Более комфортная, но от этого не менее прочная. И твой урок... твой урок в том, что даже в комфорте ты останешься моей пленницей. И чем больше удобств я тебе предоставлю, тем больше контроля за тобой будет. Поняла?

— Да, — выдыхаю я, чувствуя, как последние силы покидают меня. — Я поняла.

— Прекрасно, — он отпускает мое лицо. — Артем ответит тебя в твои новые апартаменты. И, Эмма? — Герман делает паузу у двери. — Попробуй поджечь что-нибудь еще — посмотрим, чем это закончится для твоей милой мамочки. А пока мне нужно разбираться с последствиями твоих “игр”.

Монстр выходит, и я остаюсь одна посреди комнаты, дрожа от осознания простой истины: желая сбежать, я только сильнее загнала себя в угол.

Глава 8

Новые условия гораздо лучше прежних. У меня есть нормальная спальня. Кровать застелена белоснежным бельем, сквозь шторы на окнах пробивается дневной свет, а за соседней дверью прячется крохотная ванная.

Сразу после своего “переезда” я залезла в душ и провела там, по ощущениям, целую вечность.

Отогревала кости от холода, который пропитал меня насквозь. И теперь хочется плавиться в крутом кипятке, чтобы пропариться на будущее, вдруг снова спрячут за неуютность. Правда, до тех пор, пока я не придумала, как нас с мамой вытащить из этой передраги, придется подыграть Герману и притвориться его... невестой.

После душа меня ждал сытный горячий ужин, который я даже не смогла доесть, и вырубилась, даже не выключив телевизор, висящий напротив кровати.

Просыпаюсь я от ощущения, будто на меня кто-то смотрит. Распахиваю глаза и вздрагиваю, замечая неподвижную тень в кресле напротив.

Она не двигается, и мне в какой-то момент начинает казаться, что это сама смерть пришла за мной.

Но затем тень щелкает зажигалкой, освещая мужское лицо, и мне становится еще страшнее.

— Что ты тут делаешь? — слежу за тем, как появляется небольшой огонек и сразу прячется, а затем все по новой.

— Думаю, — отвечает хрипло.

— Почему здесь? — не знаю, откуда у меня берутся силы на разговор с ним, потому что внутри все стынет от страха, что он пришел закончить начатое.

Я приподнимаюсь на локте, натягивая одеяло до подбородка, чувствуя себя абсолютно беззащитной в тонкой пижаме, которую кто-то принес мне вместо моей грязной одежды.

Он не отвечает сразу. Внезапно он подносит зажигалку к лицу, и я вижу появившуюся оранжевую точку, понимая, что Герман прикурил сигарету.

Огонек вырисовывает в темноте плавную дугу, когда он затягивается. На мгновение освещается его твердый подбородок и сжатые губы.

— Мой дом — мои правила, — наконец отвечает он на мой вопрос. В его тоне нет злости, лишь холод и равнодушие, которые снова пробирают меня до самых костей. — Я могу находиться где угодно в своем доме. В том числе и в комнате своей невесты, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

— Со мной все прекрасно, — выдавливаю я, стараясь скрыть страх. — Как ты мог заметить, ничего не горит. Пока что. И я бы на твоём месте не приходила ко мне с зажигалкой.

Он фыркает, и этот звук отдаёт чем-то похожим на короткий, сухой смешок.

— Остроумие в твоём положении — сомнительная роскошь, Эмма. Но мне нравится твой дух. Жаль, что со временем от него ничего не останется.

От этих слов по спине бегут ледяные мурашки. Я молчу, впиваясь глазами в темноту, пытаюсь разглядеть выражение его лица.

— Завтра у нас важный день, — продолжает он, и сигарета снова вспыхивает. — Твой отец согласился на встречу.

Сердце замирает, а затем начинает колотиться с новой силой. Отец. Тот самый человек, из-за которого я оказалась в этой ловушке.

— Он... он знает, что я здесь?

— Он знает, что ты жива и невредима. Пока что. И что у нас с тобой... взаимовыгодные планы. Встреча состоится здесь, в полдень. Ты будешь присутствовать и выглядеть достойно. И тебе придется вести себя так, как я скажу. Поняла?

В его голосе сквозит сталь. Потому что ему не нужно опускаться до просьб.

— А если я откажусь? Устрою истерику и расскажу ему, что ты меня похитил и держишь здесь против моей воли? — пробую я возразить, хотя внутри все сжимается от страха.

Герман медленно поднимается с кресла. Его высокая фигура заслоняет слабый свет из окна, превращаясь в сплошную черную глыбу. Он делает несколько шагов к кровати, и я невольно отодвигаюсь к изголовью.

— Тогда я позвоню Андрею, — говорит он тихо, и его

голос ползет по комнате, как ядовитая змея, — и ты сама попросишь своего папашу не вмешиваться, пока твоя мама будет молить о пощаде на другом конце провода. Ты хочешь такого развития событий?

В горле встает ком. Я снова оказываюсь перед тем же выбором. Только ставки стали еще выше.

— Нет, — шепчу я, принимая поражение.

— Умная девочка, — в его голосе сквозит удовлетворение. Он наклоняется, и его рука протягивается к моему лицу.

Я зажмуриваюсь, ожидая прикосновения, удара — чего угодно. Но его пальцы лишь на секунду касаются моей щеки, скользят по линии роста волос. Прикосновение на удивление легкое, почти невесомое, но от него бросает в дрожь.

— Спи, принцесса, — говорит Герман, и его дыхание, пахнущее табаком, опаляет мою кожу. — Завтра тебе понадобятся силы. Чтобы сыграть свою роль безупречно.

Он выпрямляется. Я слышу его удаляющиеся шаги, щелчок замка. Дверь закрывается, и я снова одна.

Но теперь одиночество становится другим. Оно наполнено его присутствием, его угрозами, его обещаниями. Я опускаюсь на подушку и смотрю в потолок, понимая, что завтрашний день не принесет мне свободы. Он лишь затянет петлю на моей шее еще туже.

Завтра я увижу отца. Человека, который подарил мне жизнь и который теперь, сам того не ведая, подписывает мне пожизненный приговор. И мне придется улыбаться и делать

вид, что все идет так, как должно.

Потому что цена за правду стала неподъемной.

Глава 9

— Доброе утро, — заходит в комнату молоденькая девушка, держа в руках поднос.

— Доброе, — озадаченно смотрю на нее и на то, как она ставит поднос на небольшой столик.

— Меня зовут Ася, и я буду помогать вам, — даже в полумраке комнаты я вижу, что ее улыбка натянута.

Ася отводит глаза в сторону и спешит раздвинуть шторы. Яркий свет бьет в лицо, и я морщусь, чувствуя себя так, будто мне обожгли радужку.

Зажмуриваюсь и приподнимаюсь на постели. Похоже, мне все же удалось уснуть после визита ночного гостя. Хотя я, кажется, ворочалась до тех пор, пока не услышала за окном шум двигателя автомобиля и мужские голоса.

Девушка возвращается к моей кровати, стараясь улыбаться, но смотря на меня как-то слишком робко, как будто она делает это через силу.

Теперь у меня получается ее рассмотреть. Светлые крашенные волосы стянуты в тугий пучок, длинные ресницы, карие глаза, нос пуговкой и пухлые губки. Красивая. А под форменным платьем горничной видно стройную фигуру.

А Герман не промах. Окружил себя не только мордоворотами, но и красивыми девушками, видимо чтобы глаз радо-

вался и, возможно, даже то, что находится в паховой области. Если он действительно спит со своим персоналом, тогда мне бояться нечего, да? Найдутся те, кто исполнят за меня супружеский долг.

— Ася, ты не представляешь, как я тебе рада, — хочу про-
извести на нее правильное впечатление.

Ведь если эта девушка испытывает к Герману романтические чувства, то она с радостью поможет мне выбраться из этой передраги.

— Правда? — смущенно спрашивает она.

— Чистейшая! — я присаживаюсь на кровати, обхватив колени.

Поднос с завтраком пахнет так соблазнительно, что слюнки текут, но я делаю вид, что еда меня не интересует.

— Ты первая, кто зашел ко мне без угроз и ультиматумов. Как ты здесь оказалась? Работать в таком... месте...

Ася опускает взгляд, расправляя невидимые складки на кипенно-белом фартуке.

— Это хорошая работа. Платят достойно и вовремя. И Герман Альбертович... он справедливый.

Справедливый? Это слово режет слух. Я сдерживаю порыв расхохотаться ей в лицо. Мы точно говорим об одном и том же человеке?

— Да? А он не... — я делаю паузу, придавая лицу выражение наивного любопытства, — не слишком требовательный?

Я имею в виду с девушками. Мне кажется, что он из тех, кто может заставить делать все что угодно, невзирая на согласие.

Ася резко вскидывает на меня взгляд, и ее щеки заливают яркий румянец. Кажется, она понимает, о чем я.

— Что вы! Нет! Я просто горничная. И мне пора. У меня еще много дел. А вы пока кушайте. Я зайду через час и помогу вам собраться.

Она поворачивается, чтобы уйти, и я понимаю, что совершила ошибку, надавив на нее. Слишком резкое начало.

— Ася, подожди! — мне искренне жаль, что я так опростоволосилась. — Прости. Я просто... напугана. Я не знаю, что здесь происходит. И все, что я видела последние дни, — это угрозы и пытки

Она останавливается у двери, не поворачиваясь. Ее плечи напряжены.

— Мне сказали, что вы невеста Германа Альбертовича, — говорит она тихо. — И что вам нужно помочь подготовиться к встрече с отцом.

Так. Значит, официальная версия уже запущена в массы. Теперь для всех я невеста этого чудовища.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты мне помогла, — говорю я как можно мягче. — Я не знаю, что надеть, как себя вести. Ты же знаешь, как здесь все устроено. Боюсь сделать что-то не так и... разозлить его.

Похоже, что я попадаю в цель. Она медленно поворачива-

ется. В ее карих глазах читается смесь страха и жалости.

— Он не любит, когда что-то идет не по плану, — шепчет она, словно боясь, что ее услышит кто-то третий. — Лучше просто делать так, как он говорит.

— А что... что он планирует после встречи?

Ася качает головой, явно давая понять, что дальше она не намерена делиться со мной информацией.

— Мне ничего не известно, кроме того, что я помогу вам одеться.

Блондинка выскальзывает за дверь, и я слышу, как щелкает замок, снова превращая мою спальню в клетку.

Я подхожу к подносу. Свежевыжатый сок, кофе, омлет с лососем и авокадо, круассаны. Все как и в обычном мире, в той другой жизни, где я сама отвечала за себя.

Я ем, заставляя себя глотать каждый кусок, чувствуя себя при этом поросенком, которого кормят на убой.

После завтрака Ася приносит мне одежду, белье и туфли.

Я переодеваюсь, натягивая небесно-голубое платье-футляр, чулки и бежевые туфли-лодочки на высокой шпильке, которая может быть оружием. В этом наряде я чувствую себя не невестой, а участницей переговоров. Что, в общем-то, недалеко от истины.

Потом ко мне приходит еще одна девушка, но, в отличие от Аси, она не произносит ни слова. Мне помогают с легким макияжем и укладывают волосы. Глядя в зеркало, я вижу не

себя, а манекен, куклу, которую готовят к тому, чтобы выставить на витрину.

Ровно в полдень в комнату входит Герман.

Он окидывает меня оценивающим взглядом, будто проверяет товар на брак.

— Так лучше, — выносит вердикт. — Запомни, Эмма, ты здесь по своей воле. Ты очарована мной, мы встречались тайно от всех и теперь решили узаконить наши отношения. Любые порывы пролить свет на истинное положение вещей, твои слезы, истерики или попытки рассказать правду будут восприняты как нервный срыв из-за волнения. А за этим последуют... действия, которые расстроят не только тебя, но и твою мать. Ясно?

— Более чем, — отвечаю я, глядя ему прямо в глаза.

Уголок его губ дергается. Кажется, моя дерзость его скорее забавляет, чем злит.

— Отлично. Тогда идем. Твой отец уже здесь.

Он подставляет мне локоть. Я смотрю на его руку и понимаю, что не могу сейчас показывать характер. Поэтому я опускаю ладонь на сгиб его локтя. Герман накрывает мои пальцы свободной ладонью, и меня прошибает током от его прикосновения, настолько неожиданным оно кажется.

Он ведет меня по коридору к лестнице, а затем вниз, пока мы не оказываемся перед массивной дверью в гостиную. За ней слышатся голоса. Один из них — низкий, властный, тот голос, что я слышала всего пару раз в жизни.

Сердце замирает. Сейчас все решится. Герман открывает дверь.

В центре роскошной гостиной, спиной к камину, стоит высокий сидящий мужчина. Георгий Василевский. Мой отец. Он поворачивается, и его взгляд, холодный и расчетливый, скользит по Герману, а затем останавливается на мне.

В его глазах нет ни капли тепла или удивления. Лишь неприкрытая ярость и... разочарование.

— Ну что ж, Герман, — говорит он, и его голос звучит как скрежет камня. — Похоже, что ты решил зайти с козырей. А теперь я хочу услышать, как же так вышло, что моя дочь идет с тобой под ручку?

Глава 10

Я опускаю глаза в пол. Не могу смотреть на отца. Даже несмотря на то, что все происходит по его вине, мне плохо оттого, что приходится лгать. Но также я не забываю о маме, что находится в опасности из-за него. А ведь ему плевать на нее...

До сих пор для меня остается загадкой, были ли у него какие-то чувства к ней или нет. Скорее всего, нет. Потому что если бы были, то он не отказался бы от нее так легко.

— Чувства, Георгий Васильевич. Чувства, — улыбается Герман, посмотрев на меня и снова возвращая внимание к своему гостю.

В воздухе чувствуется напряжение. Даже пылинки, пляшущие в солнечном луче, кажется, застывают в воздухе, боясь нарушить этот поединок взглядов.

Герман первым нарушает молчание. Его рука, лежащая поверх моей, слегка сжимает мои пальцы, и я понимаю, что должна быть хорошей девочкой и подыграть ему.

— Да, — произношу неожиданно для себя. — Одна встреча — и я поняла, что это судьба, — натягиваю на лицо улыбку, отыгрывая свободу матери.

— И при каких же обстоятельствах вы могли встретиться? — рассматривает нас отец холодным и острым как бритва

взглядом. Он буравит меня взором, не скрывая, что не верит ни единому слову. Он знает Германа и прекрасно понимает, что это за игра.

Герман парирует удар с легкостью опытного фехтовальщика.

— На одном из благотворительных вечеров. Твоя дочь, Георгий Васильевич, оказалась не только прекрасна, но и умна. Мы разговорились, и я был покорен. Понял, что не могу ее отпустить. Эмма скрывала нашу связь, боялась реакции общественности. Но теперь, когда мы приняли решение узаконить наши отношения, утаивать это бессмысленно.

Отец издает короткий, сухой звук, похожий на смех, но в нем нет ни капли веселья.

— Вы собрались пожениться? Ты хочешь сказать, что моя дочь так вовремя появилась из ниоткуда и согласилась выйти замуж за моего прямого конкурента? Ты считаешь меня идиотом, Герман?

Напряжение нарастает, словно перед грозой. Я чувствую, как дрожь поднимается изнутри, но пальцы Германа на моей руке сжимаются сильнее, почти до боли, напоминая о цене провала.

— Отец, — говорю я, и мой голос звучит хрупко, но я стараюсь вложить в него убедительность, — все так и было. Я работала официанткой на том вечере. Просто... ты никогда

не интересовался моей жизнью. Ты не знаешь, с кем я встречаюсь и о чем мечтаю.

Василевский медленно подходит ко мне. Он чуть ниже, но массивнее Германа, и от него исходит аура власти и опасности. Он останавливается в шаге, и мне бьет в нос запах крепкого парфюма и сигарет.

— Правда? — он наклоняется ко мне, и от его ледяного шепота волоски на теле приподнимаются. — А твоя мама в курсе твоих... мечтаний? Она одобряет твой выбор?

Мое сердце замирает. Он все понимает. Он читает эту ситуацию как открытую книгу.

— Хватит, Георгий. Дело не в том, веришь ты нам или нет. Дело в фактах. Через неделю состоится свадьба. После этого любая вражда между нами будет выглядеть как предательство семьи. Ты потеряешь лицо.

— И чего же ты хочешь? — отец выпрямляется, его взгляд переключается на Германа. — Объединения семей? Перехватить власть? Или ты просто хочешь воткнуть мне нож в спину, используя моего же ребенка?

— Я хочу стабильности, — отвечает Герман холодно. — Теперь, когда мы станем одной семьей, это будет сделать гораздо проще. Тебе всего лишь надо смириться и признать наш брак, и после этого мы заключаем мир. — Герман делает паузу, давая возможность моему отцу самому сделать выводы.

Гоша Василевский... Все же мне тяжело этого человека

называть папой. Сейчас передо мной именно глава криминального клана, что никак у меня не ассоциируется с тем человеком, что появлялся пару раз в моем детстве и покупал мороженое.

Он молча смотрит на нас. Его лицо ничего не выражает. Даже серые глаза остаются холодными, но я вижу, как он напряженно думает над сложившейся ситуацией.

Это ловушка, и он это знает. Гордость, ярость, расчет — все борется внутри него. Сейчас он не может ответить категорично, потому что сейчас не время для ошибок.

Наконец он отворачивается и делает несколько шагов к большому панорамному окну. Он берет со стола тяжелую пепельницу, вертит ее в руках, будто взвешивая не ее, а наши судьбы.

— Хорошо, — произносит он тихо. — Играем по твоим правилам, Герман. Будет вам свадьба.

Он поворачивается, и его взгляд, полный немой ненависти, впивается в меня.

— Поздравляю, дочка. Ты нашла блестящую партию. Надеюсь, ты понимаешь, во что ввязалась.

Эти слова звучат как проклятие. Он не верит в нашу сказку, но принимает условия ультиматума. И в его глазах я читаю не отцовскую заботу, а холодное предупреждение о том, что я теперь пешка в этой игре.

— Кстати, — опускает взгляд к моей руке. — Для такой

сильной любви, как у вас, очень странно, что на пальце Эммы нет кольца.

Я распахиваю глаза, понимая, насколько сильно мы прокололись.

— Кольцо изготавливают на заказ. Предложение делалось под влиянием чувств, поэтому не хотелось откладывать его из-за отсутствия кольца.

— Как бы ваша нетерпеливость не сыграла с вами злую шутку, — усмехается Василевский и молча проходит мимо нас к выходу, не прощаясь. Дверь за ним закрывается с мягким щелчком.

Я выдыхаю, чувствуя, как ноги подкашиваются. Рука Германа разжимает мои пальцы. Он отходит в сторону, его лицо снова становится невозмутимым.

— Ну вот, — говорит он, подходя к бару и наливая себе виски, — первый шаг сделан. Ты справилась...

Я не отвечаю, продолжая смотреть на выход.

Чувство, что сейчас произошло что-то непоправимое, не оставляет меня, и под ложечкой сосет лишь сильнее.

Василевский не похож на человека, которого так легко прогнуть. И похоже, у него есть план.

— Мне кажется, он попытается что-то предпринять, чтобы саботировать нашу свадьбу.

— А ты не так глупа, — Герман достает сигарету и прикуривает. — Именно поэтому ты не будешь покидать территорию особняка.

— Думаешь... — облизываю губы, и в груди разгорается надежда, — он попытается меня выкрасть?

Герман ловит мой взгляд, и я вижу в его радужках такое же равнодушие, как и у моего отца.

— Или убить, — отвечает холодно, снова засовывая между губ папиросу и прикуривая. А у меня все стынет внутри от его заявления. — Сейчас Гоша предпочел бы, чтобы ты была мертва, Эмма, — выдыхает дым. — Поэтому теперь только я твоя защита. И если хочешь жить, то тебе придется прислушиваться ко мне.

Глава 11

— Ася, мне нужна твоя помощь, — шепчу я с жаром, как только девушка заходит в мою комнату.

Не ожидая такого, она замирает на пару мгновений, смотря прямо на меня, а затем, вспомнив, что у нее в руках поднос, подходит к столику и опускает его.

— Я к вашим услугам, — произносит заученную фразу и натягивает улыбку.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня достала, — подхожу к ней ближе и шепчу так, чтобы нас не могли подслушать.

Ее глаза вспыхивают испугом, и она начинает озираться.

— Простите, но это не входит в мои обязанности, — разворачивается и идет к выходу.

Но теперь я точно знаю, чего хочу и за что борюсь. Я не собираюсь быть пожизненной мишенью. Не собираюсь жить как тень в доме Германа... Кстати... как его фамилия?

Боже! Я даже не знаю фамилию мужчины, за которого мне предстоит выйти замуж.

Я дергаюсь к двери и преграждаю горничной путь.

— Выслушай меня, пожалуйста, — смотрю на нее, надеясь, что она хотя бы сделает это. — Я знаю, что ты очень дорожишь своим местом и уважаешь Германа Альбертовича,

но я в беде, понимаешь? И я очень надеюсь, что этот разговор не дойдет до твоего хозяина. Но он силой хочет женить меня на себе и тем самым сделает меня мишенью... На меня будут охотиться его враги, понимаешь? И первый в очереди — мой собственный отец! Я не хочу жить в страхе. Я хочу вернуться к своей жизни, к маме.

Ася смотрит в пол, ее пальцы нервно теребят край фартука.

— Вы не понимаете... Если он узнает, что я помогаю вам... мне будет конец. И не только мне. Он... он не прощает предательства.

— Это не предательство! Это помощь человеку, которого похитили и шантажируют! — мой шепот становится резче. Я пытаюсь до нее достучаться. — Ты ведь видишь, что я здесь не по своей воле? У тебя есть совесть?

Она поднимает на меня взгляд, и в ее карих глазах я вижу настоящую, неподдельную борьбу. Жалость и страх воюют в ней.

— Я... я не могу рисковать, — бормочет она, и в ее голосе слышатся слезы. — У меня мама тяжело больна. Это место... оно кормит нашу семью. Простите.

Она пытается обойти меня, и на этот раз я пропускаю ее. Силы покидают меня. Она права. Почему она должна рисковать всем ради незнакомки?

И мне хочется закричать от бессилия. Неужели в этом доме нет ни одного человека, который не боится Германа? Но

похоже, что он ломает волю всех, кто работает на него.

Ася уже берется за ручку двери, но внезапно оборачивается. Смотрит на меня испуганно.

— Вам не стоит никого просить о таких вещах, Эмма, — говорит она тихо, но очень четко. — Здесь все контролируется. Каждая комната. Каждое слово может быть услышано. Лучше... лучше просто делайте, как он говорит. Так будет безопаснее для всех.

Она уходит, оставив меня наедине с леденящей душу правдой. Неужели все это время за мной велось наблюдение?

Я медленно скольжу взглядом по стенам, по потолку, по изящной хрустальной вазе на туалетном столике.

Где здесь могут быть камеры? Микрофоны? Возможно, наш с Асей разговор уже прослушали. А может, это была лишь метафора, но она сработала безотказно.

Чувство полной, абсолютной безысходности накрывает меня с головой. Я — насекомое под стеклом. Мои попытки бунтовать, искать союзников, строить планы — все это детские игры для Германа. И все, что я делаю, я делаю с его позволения.

Я подхожу к окну, смотря на ухоженный сад и на высокую стену с колючей проволокой, за которой безграничная, недостижимая свобода.

Отец хочет меня убить. Герман хочет сделать меня своей вещью. Единственный человек, которому я небезразлична, теперь стал заложником в этой войне.

Опустившись на колени у кровати, я падаю лицом в одеяло, чтобы заглушить звук рыданий. Но слез нет. Внутри меня только пустота. Я не знаю, как быть дальше.

Если побег невозможен, если помощи ждать неоткуда, значит, нужно менять тактику. Нужно играть по его правилам. Стать идеальной невестой. Послушной, покорной, предсказуемой.

А потом, когда они все: и Герман, и отец — перестанут видеть во мне угрозу, когда их бдительность притупится... тогда я смогу найти самый слабый участок в броне этого дома.

Я поднимаю голову, вытираю сухие глаза и смотрю на свое отражение, зная, что я выберусь из этой западни, чего бы мне это ни стоило. Даже если мне придется переступить черту.

Глава 12

— Мне нужно поговорить с Германом, — выглядываю из спальни и смотрю на нового охранника. Похоже, что Артему меня больше не доверяют. А этот... пока я не могу понять, будет ли он мне полезен или нет.

— Да-а-а? — с любопытством окидывает меня взглядом молодой высокий парень.

На первый взгляд он кажется чуть старше меня. А значит, у меня есть шансы задурить ему голову. Правда, жаль, что я на это неспособна. Опыт общения с парнями минимальный. Только на дискотеке в лагере танцевала с мальчиками и потом, на первом курсе на посвящении студентов, целовалась со звездой университетской футбольной команды, в которую влюбилась с первого взгляда, но стоило мне отойти в дамскую комнату, как он переключился на другую девочку.

Тогда я решила, что нельзя очаровываться парнями, и сосредоточилась на учебе. Поэтому не слушала особо болтливую девчонок о том, как они крутят ухажерами. А теперь жалею, что была такой слепой и глухой. Видимо, женщине порой просто необходимы навыки обольщения.

— Да, — отвечаю твердо.

— И по какому вопросу? — охранник скрещивает руки на груди и смотрит на меня с какой-то усмешкой.

— Я, вообще-то, его невеста!

— Даже так? — фыркает он.

— Так. А ты что, новенький?

— Можно и так сказать, — продолжает меня рассматривать, слишком внимательно для охранника. — И да, я в курсе, кто ты. Невеста, — произносит с какой-то усмешкой. — Только вот не похожа ты на ту, кого носят на руках.

От возмущения я открываю рот, но тут же закрываю, не зная, как возразить. Мне кажется, что для простого охранника в нем слишком много дерзости, а во взгляде читается не просто пренебрежение, а хищный интерес.

Я чувствую себя перед этим парнем необычным экспонатом, который он рассматривает с любопытством, думая, что ему будет, если он попробует меня сломать.

— А на кого я похожа? — парирую я, стараясь говорить ровно.

Делаю шаг вперед, нарушая его личное пространство. Запах табака и пряного парфюма бьет в нос.

Он не отступает, лишь склоняет голову набок.

— На ту, кто попала в переделку и не знает, как из нее выбраться.

Сердце проваливается куда-то в бездну. Он куда пронзительнее Артема. И, возможно, опаснее.

— Я просто хочу поговорить с моим будущим мужем, — говорю я, подчеркивая последние два слова, смотря прямо

ему в глаза. — У меня... есть вопросы о свадьбе. О платье, о месте проведения, о приглашенных и о кольце, в конце концов.

Мой отец был прав. Герман даже не позаботился о кольце для меня.

Парень усмехается, его взгляд скользит по моей фигуре, задерживаясь на изгибах и заставляя меня вспыхнуть от его неподобающего поведения.

— Платье? Милая, тебе кажется, что тебе тут кто-то что-то должен? Ты вещь. Дорогая, но вещь, — морщится. — Вещам не выбирают оправу.

От этих слов становится тошно. Но я сохраняю спокойствие, взяв себя в руки, и улыбаюсь.

— Я понимаю, что ты тут работаешь и, видимо, Герман тебе доверяет, но не до хрена ли ты себе позволяешь?

— Ровно столько, сколько мне позволено, — пожимает плечами, усмехаясь.

— Да кто ты такой?

— Лев, — говорит спокойно.

— Ну и самомнение! — окатываю его презрительным взглядом.

— Меня зовут Лев, — смеется чуть громче. — Чёрт, знал бы, что ты такая забавная, — сам вызвался бы на эту работенку.

— Чего? — краска приливает к лицу, и я чувствую себя

полной дурой, раз решила, будто это нечто мне поможет.

Но раз у меня нет другого выбора, то делаю вдох-выдох.

— Рада, что смогла развеселить, но, может быть, ты мог бы помочь? Просто передать ему, что я хочу поговорить? Я... тебя отблагодарю, — краснею еще сильнее и кладу руку ему на предплечье.

Касание легкое, будто случайное, но его достаточно, чтобы почувствовать литые мышцы под его рубашкой.

Пальцы горят от отвращения, но я смотрю на него снизу вверх, вспоминая слова однокурсниц.

“Мужики любят, когда женщины считают их всесильными и смотрят на них с обожанием. А еще обожают, когда их умоляют”.

Лев замирает. Его насмешливый взгляд сменяется настойчивым, но заинтересованным. Он медленно поднимает свою руку и накрывает мою, прижимая ее к своей мускулистой груди. Меня бросает в жар от ощущения его грубой ладони на моей.

— Отблаговаришь? — он наклоняется ко мне, и его дыхание опалает щеку. — И в какой форме я могу ожидать эту... благодарность, кроха?

Внутри все обрывается. Я зашла слишком далеко. Игра с огнем грозит пожаром, который я не смогу потушить. Но отступить поздно.

— Это зависит от тебя, — шепчу я едва слышно и тут же отшатываюсь, делая вид, что смущена. — Просто... передай,

пожалуйста, Герману...

Выдергиваю руку и отступаю назад, в безопасные границы своей комнаты, чувствуя, как дрожу. Я переступила черту, попытавшись играть не по своим правилам.

Лев стоит задумчиво и не двигаясь. Он медленно проводит языком по губам, не сводя с меня глаз.

— Ладно, — протягивает он наконец. — Передам. Но учти, дорогая... долги надо отдавать. Всегда.

Он поворачивается и уходит, оставляя меня в дверном проеме с тяжелым камнем на душе.

Я захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Я добьюсь своего? Он передаст Герману мою просьбу? Или я только что заключила сделку с дьяволом, откупиться от которого не смогу?

Одно я понимаю точно: в этой игре я — пешка, а все вокруг — игроки. И чтобы выжить, мне придется учиться играть гораздо лучше. Или я погибну.

Глава 13

— Эй, принцесса! — дверь в мою комнату открывается без стука, и внутрь заглядывает этот наглец Лев.

С замиранием сердца смотрю на него и жду ответа.

— Ну, — усмехается он, снова окидывая меня тем самым взглядом, от которого я вспыхиваю и хочу спрятаться, но, учитывая все те обещания, что я щедро насыпала охраннику, похоже, он имеет на них право... — Чего глазами хлопаешь? — его ухмылка становится лишь наглее. — Вперед! Проведу тебя к жениху, — делает акцент на последнем слове.

Медленно выдыхаю, только сейчас обращая внимание на то, что практически не дышала все это время. Все же, после всего того, что я наговорила этому дерзкому нахалу, я надеялась, что у него ничего не выйдет. А теперь получается, что я ему должна вон то самое?

Мне внезапно становится безумно страшно. Смотрю на этого совершенно постороннего мужчину, который даже не мой фиктивный жених, и волосы на голове шевелятся в ужасе от собственной глупости.

— Знай! Я тебя обманула! — выплевываю прежде, чем выйти из комнаты, и тем самым обозначая начало действия нашей сделки.

— Да ну? — вскидывает он бровь. — А то я подумал: надо

же, какая удача. У меня возьмет в рот дочка Василевского.

От того, насколько легко он произносит эти непристойности, у меня загорается не только лицо, но, похоже, и кожа головы, потому что я чувствую себя так, будто реально по-лыхаю.

— Да ладно тебе. Я же не камикадзе, — улыбается уже не так вызывающе. — Идем.

Его реакция меня немного успокаивает, и тогда я делаю первый шаг. Подхожу к двери, останавливаясь напротив этого высоченного парня, и смотрю на него украдкой, потому что он меня смущает. Потому что относится к разряду тех красавчиков, на которых гроздьями вешаются девчонки.

Сердце колотится где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Каждый шаг по роскошному, устланному ковром коридору дается с трудом: ноги ватные, а в голове звенит от осознания собственной глупости.

Я иду за Львом, стараясь не смотреть на его широкие плечи, но взгляд упрямо цепляется за его спину. Этот мужчина опасен, а я сама, своими неумелыми попытками флирта, вручаю ему оружие против себя. Он же может рассказать обо всем Герману...

Но я пытаюсь успокоить себя его фразой о том, что он не камикадзе. Тем не менее тревога не отступает.

Лев останавливается перед массивной дверью из темного дерева. Он привел меня в часть особняка, где я еще не бывала.

— Входи, — кивает он на дверь.

— Вот так, без стука? — смотрю на него с подозрением.

— Ну да, — пожимает плечами.

Я толкаю дверь, переступая порог.

В нос сразу же ударяет запах каких-то благовоний, табака и алкоголя, а еще чего-то дикого, первобытного. Приглушенный свет бра выхватывает из полумрака кожаный диван.

На нем полулежит Герман. Его рубашка расстегнута, волосы растрепаны. Перед ним на коленях стоит темноволосая девушка в красном нижнем белье. Она расстегивает ширинку на его брюках, смотря на моего жениха снизу вверх и пошло облизывая губы. А он смотрит на нее с таким голодом, что кажется, готов разорвать ее от желания.

Волна стыда обрушивается на меня, и я чувствую, как горит лицо. Я отворачиваюсь, собираясь сбежать, пока меня не заметили. Но задеваю плечом какую-то статуэтку, и она с грохотом падает на пол.

Я морщусь от резкого звука и оглядываюсь на парочку.

Герман смотрит прямо на меня. Его взгляд, мгновение назад мутный от желания, стремительно трезвеет и становится ледяным и яростным. Он резко отстраняет девушку, та с раздраженным вскриком падает на подушки.

— Как ты тут оказалась? — спрашивает он резко, поднимаясь с дивана.

Он подходит так близко, что я чувствую исходящее от него тепло и запах алкоголя, табака и чужих духов.

— Я задал вопрос. Как. Ты. Тут. Оказалась? — цедит он сквозь зубы.

— Попросила охрану привести меня.

— Зачем?

— Решила, что нам нужно узнать друг друга лучше, — и снова я играю с огнем. — Но после того, через что он заставил меня пройти, этот момент — самое унижительное из пережитого мной. Потому что... нельзя называть невестой одну и предаваться плотским утехам с другими.

Он смотрит на меня внимательно.

— Лиана, выйди! — бросает через плечо, не прерывая зрительного контакта со мной.

— Герман, серьезно? — тянет обиженно брюнетка. — Я тащилась через весь город, чтобы ты меня прогнал?

— Вон, я сказал!

Девушка поднимается на ноги, подхватывая с пола одежду, и демонстративно медленно натягивает на себя короткое черное платье, и только потом проходит мимо нас, намеренно задевая своего любовника грудью.

— Позвони мне, — прижимается губами к его грудной мышце, оставляя там красный след от помады.

— Ну, давай! — говорит Герман, когда захлопывается дверь в комнату, и по моим венам начинает расползаться липкий страх.

— Что “давай”? — не понимаю, что он хочет от меня, но мысленно проклиная свою глупость.

— Знакомиться ближе, — на его лице появляется злобный оскал. — Ты сама этого хотела, принцесса, — его лицо находится в сантиметрах от моего. — Ты прервала мой вечер, — обхватывает мою руку, дергая на себя и опуская себе на пах. Распахиваю широко глаза, когда ладонь накрывает каменный член. — Теперь ты его продолжишь.

— Нет, Герман, — мотаю головой. — Я не то...

Но он меня уже не слушает. Его пальцы впиваются в мое предплечье, и он резко тянет меня за собой к кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.